

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 10-го Октября 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10112.

ПРИЗНАНИЕ.

Молодая монахиня принесла пакетъ новаго бѣлья.

Она положила его на прилавокъ, говоря устало:

— Вотъ... здѣсь все, панна Ядвиги...

— А, это вы, сестра Тѣкла... одну минуточку... присядьте, пожалуйста... я скоро запру магазинъ... мы поужинаемъ вмѣстѣ.

Сестра Тѣкла разсѣянно улыбнулась. Она, дѣйствительно, присѣла, перебирая четки. Она выглаживала очень измученной.

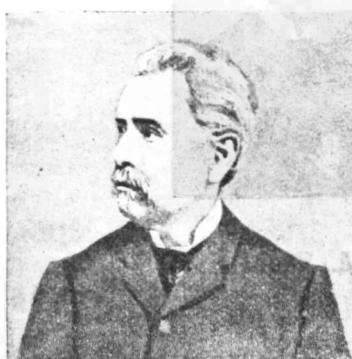
Панна Ядвиги считала за конторкой. На черномъ передникѣ позваивали ножницы, карандашъ и ключи.

Говорила радостно и медленно:

— Мы продали сегодня два Распятія... изъ дорогихъ... Одного Антонія Падуанскаго... нѣсколько Непорочныx Зачатій... А уже молитвенниковъ... я счѣть потеряла... Слава Всевышнему! Что вы скажете, сестра? А?

— Слава Всевышнему!—эхомъ откликнулась монахиня.

— Я думаю,—вздохнула панна Ядвиги. Ея полныя щеки дрожали отъ довольной улыбки.

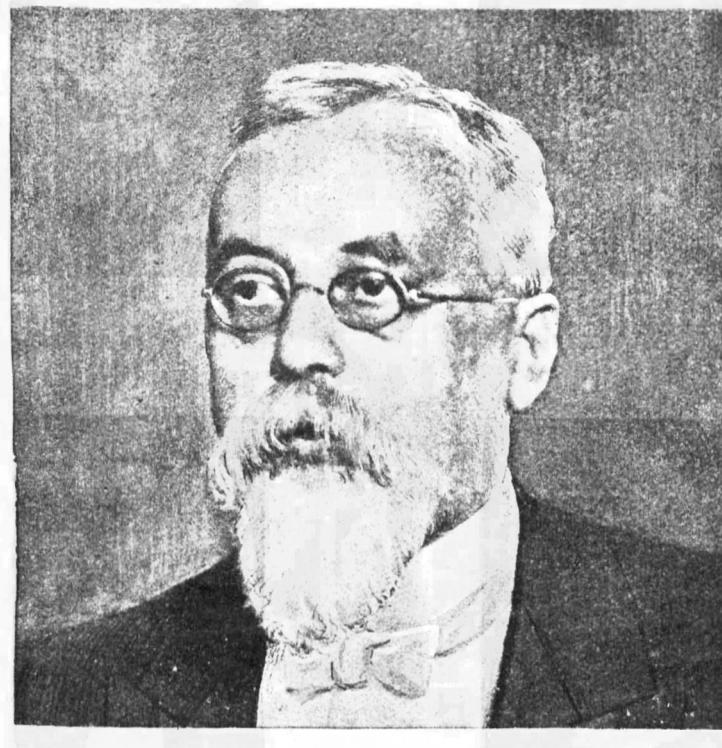

Теофило Брага.

Глава временнаго правительства въ Португалии.

Здѣсь продавались религіозныя книги, статуэтки, образки, серебряныя медали причастницъ, нѣжные сувениры различныхъ паломничествъ. Еще издали въ глаза бросалась своеобразная витрина. Ахъ, трогательная, наивная, полная дѣтской вѣры витрина, гдѣ молились святые, летали ангелы, пылало сердце Іисуса, и шла задумчиво среди мистическихъ лилій Дѣва Марія.

Внутри было свѣтло, удивительно чисто. Ряды Распятій, безчисленное количество папъ, кардиналовъ, мучениковъ напоминали церковь. Въ ящикахъ подъ стекломъ хранились разно-

С. А. Муромцевъ.

Предсѣдатель первой Государственной Думы.

Скончался 4 октября.

образныя четки. Если лучъ солнца попадалъ сюда, то всѣ эти голубыя, красные, золотистыя, перламутровыя нити переливали и искрились, а когда рука вынимала ихъ, то онѣ мелодично звякали, словно еще продолжали шептать Ave.

Въ открытую дверь виднѣлась площадь, темный силуэтъ костела, цѣпь домовъ и магазиновъ. Сноваль трамвай. Шуршали автомобили. Число прохожихъ замѣтно увеличилось къ вечеру. Красноватые лучи легли по одну сторону улицы, другая оставалась въ тѣни. Деревья осипались, и было странно пусто, какъ-будто просторнѣе.

— Михась пишетъ, что онѣ доволенъ мѣстомъ,—такъ же радостно продолжала панна Ядвиги,—онѣ въ великолѣпномъ настроеніи духа... ему, однако, придется выслать еще денегъ... не хватаетъ... Боже мой, жизнь такъ дорога...

— А!

Сестра Тѣкла выпрямилась. Она смотрѣла широко раскрытыми, жадными глазами на панну Ядвиги.

Та запирала ящики, убирала гравюры, книги.

— Значить, вашъ братъ здоровъ?—пролепетала монахиня.

— Совершенно. Какъ я испугалась сейчасъ... я думала, что потеряла Магдалину... Нѣтъ, вотъ она... Подумайте, я заткнула образокъ въ счета... Смѣшно... Такъ устанешь за день.

Она болтала вздоръ. Потомъ вся вскользнулась.—Да, да, вотъ еще... Михась просилъ сестру Тѣклу поберечь себя.

— Онъ совсѣмъ меньше переутомляется.

— Онъ совсѣмъ?

— Да. И очень впечатительно. Какъ видите, онъ не забываетъ старыхъ друзей...

Панна Ядвиги добродушно смылась. Ну, положимъ, не онъ одинъ любить сестру Тѣклу. Онъ съ Зосей тоже буквально съ ума сходя.

— О!

Монахиня силилась улыбнуться.

Панна Ядвиги экспансивно обняла ее.

— Немного веселѣе, сестра Тѣкла... Господь Богъ не любить, когда мы печалимся... жизнь славная штука... идемте, сестра... Зося, вѣроятно, заждалась насъ...

На улицѣ онѣ производили сенсацію. Монахиня шла замкнутая, гордая, съ опущенными глазами. Бѣлый уборъ слегка трепеталъ на ея головѣ. Нѣжное, красивое лицо поблѣднѣло въ осеннихъ сумеркахъ. Панна Ядвиги шумно вздыхала. Нѣтъ, обратите вниманіе... на нихъ всѣ оглядываются... этакій безбожный народъ... Впрочемъ, ея глаза не мѣняли своего довольного выраженія. Вѣроятно, она ворчала для формы.

Альфонсо Коста.

Вождь республиканцевъ, министр юстиціи, кандидатъ въ президенты португальской республики.

Наконецъ, онѣ завернули за уголъ. Софейная, пансіонъ, а вотъ и ворота. Скользнули туда. Потерялись во дворѣ, какъ въ безднѣ. Подымались по узкой, крутой, темной лѣстницѣ. Монахиня бормотала молитву. Она согнулась, словно на нее навалилось что-то.

— Минѣ кажется, я упаду скоро, отдувалась панна Ядвиги.

Въ квартирѣ было нарядно, почти богато. Вышла на встрѣчу панна Софія, худая, некрасивая, жеманная. Конtrastъ панны Ядвиги. Долго и горячо обнимала монахиню.

Артисты драматической труппы А. М. КАРАПЛИ-ТОРЦОВА,

играющіе въ театрѣ Грикке.

(Портреты артистовъ, игравшихъ и прошлый сезонъ; портреты новыхъ артистовъ будуть напечатаны въ слѣдующемъ прибавленіи).

А. М. Торцовъ.

Г. П. Ардаровъ.

В. Е. Большаковъ.

А. Н. Борисоглѣбскій.

Я. А. Вурманскій.

М. В. Камкова.

Н. А. Молчановъ.

Е. А. Славянская

С. О. Тидеманъ.

В. В. Федотова.

Ю. Д. Яковлевъ.

— Какъ вы давно не были у нась, сестра.. Минеть, гадкая собаченка, перестань лаять...

Суетились. Послѣ улицы здѣсь казалось такъ тихо. Сейчасъ же спустили шторы. Приготовили кофе. Сверкнула электрический рококъ.

Блестѣль серебряный кофейникъ, позывкали ложечки о чашечки. Лица сестеръ сияли. Онъ кротко улыбались другъ другу. Сытая, безмятежная, довольная. Вся ихъ жизнь прошла ровно. Ни одна пытка скорости.. Ни коснулась сестеръ. Онъ смѣло могли требовать отъ другихъ безупречности.. вѣдь, жить такъ легко и приятно!

Монахиня тоскливо оглядывалась. Дубовый буфетъ, стулья съ высокими спинками, а тамъ дальше дверь въ комнату уѣхавшаго Михаила. Долго, съ вниманиемъ отчаянія смотрѣла на нее.

Уронила блѣдно и какъ будто равнодушно:

— Вы сдадите комнату пана Михаила?

— Да.. да.. конечно.

Сестры говорили въ одинъ голосъ. Три комнаты.. для нихъ этого много.. онъ, вѣдь, не миллионерши.. расходы колоссальные.. Михасю также нужно помочь..

Дѣвушки восторженно вспоминали брата.

О, онъ будеть человѣкомъ.. этотъ будеть.. такой энергичный, смѣлый, веселый.. Иезусъ, Марія, какъ онъ только штуки выкидывалъ! Женщины отъ него безъума.. просто не давали ему покоя, глупенькия.. лѣзли даже сюда, прямо въ квартиру.. Ну, ничего, Михась образумится.. Вѣроятнѣе всего, онъ женится на младшей Агниткой.. бѣлокурой.. да.. прекрасная дѣвушка..

Монахиня скимала четки. Ея лицо приняло суровое, страдальческое выраженіе. Она походила на статую скорби. Не проронила ни одного слова.

— Сестра Тѣкла, вамъ нездоровится?

— Да.. немного.. Пусть онъ не беспокоятся..

Покорно послѣдовала за дѣвушками въ комнату Михаила.

Тамъ все оставалось по-прежнему, только узкіе зеленые бокалы стояли безъ цвѣтковъ. Мелочь, больно, на смерть ранившая монахиню. Послѣдняя капля въ чашѣ горя.

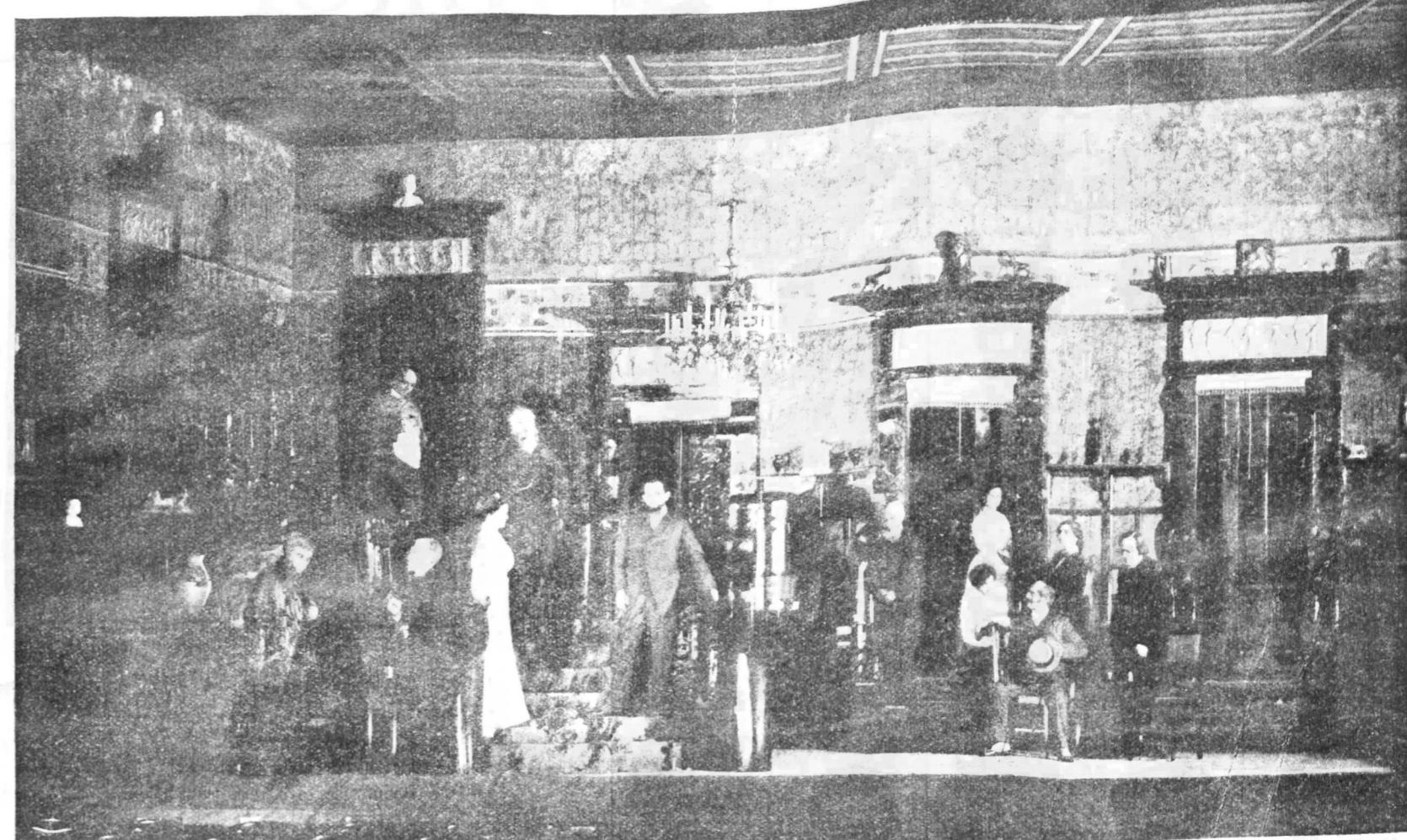
Сестра Тѣкла залилась слезами. Она твердила среди изступленныхъ риданій.

— Я такъ любила его... Я такъ любила его, милосердый Боже..

Сестры онѣмѣли отъ ужаса. Имъ казалось, онъ видѣть бездну передъ собою. Какъ, эта монахиня...

Чудная, чистая, гордая сестра Тѣкла.. Возможно ли? Уже не дьяволъ ли соблазняетъ ихъ? Что сказалъ бы ксендзъ Окшевскій?

Панна Ядвига готовилась сама за-

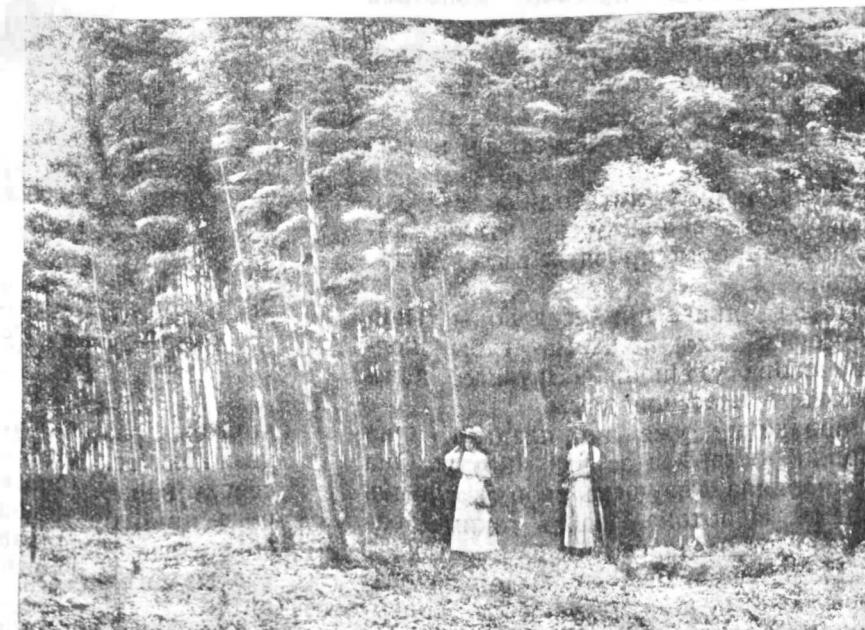

Столпы Общества "Ибсена".

Четвертый актъ на сценѣ харьковскаго драматическаго театра.

Видъ на берегъ Чернаго моря, съ Зеленаго мыса, близъ Батума.

Бамбуки въ долинѣ р. Чаквы.

Прически африканскихъ модницъ.

плакать. Панна Софья поджала тонкія губы.

Она чуть-чуть, полу-брезгливо коснулась плеча монахини.

— Сестра Тэкла, это неприлично..

Панна Ядвига лепетала что-то невнятное. Нѣтъ, конечно, монахиня ошибается... ей только кажется, такъ.. она не любила его, конечно.. Михась такъ шутливо относился къ ихъ дружбѣ.

— И мы никому не скажемъ, сестра...

— О, никому, потвердила съ достоинствомъ панна Зося, мы не хотимъ компрометировать васъ.. Нѣтъ, нѣтъ...

Панна Ядвига принесла воды. Панна Софья тихо, поджимая губы, шептала слова утѣшнія. Звучало, какъ выговорь классной дамы.

Монахиня уже не плакала. Она словно постарѣла за эти минуты. Она шокировала дѣвушекъ своимъ тупымъ горемъ. И потомъ она съ такимъ видомъ оглядывалась..

Да, конечно, онѣ не выдадутъ сестры Тэклы.. Она могла быть совершенно спокойной, но зеркало ихъ

дружбы разбилось. Онѣ перестали уважать ее. Онѣ смотрѣли на нее сверху внизъ. Она какъ бы стояла передъ ними безъ монашеской одежды, обыденная и жалкая. Нѣтъ, подумать только, вѣдь, онѣ раньше обожали ее..

Сестра Тэкла поняла.

— Ты опять клюкнуль! съ чего это ты постоянно выпиваешь?

— Я такой несчастный.

— Несчастный? Да отчего же?

— Да потому, что такъ много пью.

„Fleg. Bl.“

Въ нѣмецкой школѣ.

Учителъ. Почему въ пословицѣ говорится: если двое дерутся, третій смѣется?
Ученикъ. Потому, что и ему можно будетъ подраться.

„Fleg. Bl.“

Встала холодная и замкнутая передъ своими судьями.

— Я ухожу.. пора мнѣ..
Ее не удерживали.

Анна Марь.

